
**ОБЗОРЫ
И РЕЦЕНЗИИ**

**ВЕСТИ-КУРАНТЫ: 1656 г., 1660–1662 гг., 1664–1670 гг. Т. VI
Ч. 1. РУССКИЕ ТЕКСТЫ**

М.: РУКОПИСНЫЕ ПАМЯТНИКИ ДРЕВНЕЙ РУСИ, 2009. 856 с.

Ч. 2. ИНОСТРАННЫЕ ОРИГИНАЛЫ К РУССКИМ ТЕКСТАМ

М.: ЯЗЫКИ СЛАВЯНСКИХ КУЛЬТУР, 2008. 648 с.: илл.

Начиная с 1972 г. Институтом русского языка им. В.В. Виноградова РАН осуществляется фундаментальное издание, впервые вводящее в научный оборот обширный корпус текстов вестей-курантов (от голландск. *courant* – газета) рукописной “газеты” XVII в., которая представляла собой сводки сообщений из иностранной прессы (рукописной и печатной), переведенные на русский язык в Посольском приказе для царя и бояр, входивших в его ближайшее окружение.

Вести-куранты имеют первостепенное значение для изучения истории живого русского языка XVII в. Как отметили рецензенты пятого тома данного издания, “куранты предоставляют в распоряжение исследователей, можно сказать, высшую письменную форму обиходного языка своего времени, практически свободную от архаизмов, избегающую явных диалектизмов и ориентирующуюся на повседневную речь образованных слоев русского общества, которые не чуждались заимствований, естественных при описании иноземных реалий, но отнюдь не злоупотребляли ими” [1, с. 302].

Появлению вестей-курантов в России предшествовали переводы западноевропейских рукописных и печатных “летучих листков”, “вестовых листов”, выпускавшихся по мере необходимости, по случаю каких-либо значительных событий, происходивших в разных странах. В первой половине XVII в. сведения о европейских делах поступали из “отписок” воевод порубежных городов (Новгород, Псков, Астрахань, Архангельск), торговых людей, из переписки иноземцев и т.д. В русской традиции их называли “вести”, “вестовые письма”, “тетради”, “письма”, “листы”. Большинство голландских газет, как известно, назывались “курантами”, этим же словом в России стали именовать иностранные газеты и переводы с них.

Большая часть дошедших до нас курантов хранится в Москве, в Российском гос. архиве древних актов; кроме того, материалы за 1638 г. находят-

ся в рукописном отделе БАН (Санкт-Петербург), за 1655–1665 г. – в Гос. историческом музее (Москва). Вести-куранты оставались малоизученными, их публикации были фрагментарны.

Благодаря деятельности специалистов из Института русского языка им. В.В. Виноградова РАН, на протяжении более 30 лет занимавшихся разысканиями архивных материалов и подготовкой их к изданию, свет увидели шесть томов “Вестей-Курантов” (далее В-К): в первом – представлены тексты 1600–1639 гг. (1972), во втором – 1642–1644 гг. (1976), в третьем – 1645–1648 гг. (1980), четвертый охватывает период 1648–1650 гг. (1983), в составе пятого – материалы 1651–1652, 1654–1656, 1658–1660 гг. (1996). Подготовкой издания шестого тома, включающего текст курантов 1660–1670 гг., занимался в сотрудничестве с И.А. Корнилаевой постоянный участник всех предшествующих публикаций курантов В.Г. Демьянов (1933–2004), однако эта работа была завершена уже после его кончины. Впервые в истории издания курантов в работе принял участие специалист по русской истории. Труд по разбору научного архива В.Г. Демьянова, связанного с проектом, и сверке текста по рукописным оригиналам взял на себя историк С.М. Шамина, рассмотревший сложный комплекс проблем из области источниковедения, палеографии, кодикологии во “Введении”, отличающемся особой обстоятельностью (50 страниц вместо 8–16 страниц в прежних выпусках).

Кроме С.М. Шамина, подготовкой издания к печати занималась Е.А. Подшивалова. Первая часть шестого тома вышла под редакцией А.М. Молдована и Ингрид Майер. Исследование и подготовка текстов во второй части выполнены Ингрид Майер, ответственный редактор – В.Б. Крысько.

Начиная с первого тома, сложилась определенная структура издания. Она состоит из “Введения”, публикации архивного текста курантов по лингвистическим правилам, принятым в изданиях поздних памятников письменности,

указателей слов, имен, географических названий. В томах с первого по пятый имеется также раздел “Иллюстрации”, где факсимильно воспроизведены, кроме некоторых иностранных первоисточников, отдельные рукописные листы (беловые и черновики) вестей-курантов. Во “Введении” к третьему, четвертому и пятому томам повторяется мысль о том, что разыскание иностранных газет, которыми пользовались составители русских курантов, – одна из важнейших задач изучения последних как в плане лингвистическом, так и в плане сравнения истории русской и западноевропейской прессы. Отмечалось, что работа по поиску “иноязычных оригиналов к публикуемым текстам еще впереди. Она требует долговременных поисков в зарубежных архивах” (т. V, с. 5).

Новшеством и несомненным преимуществом рецензируемого тома перед остальными является то, что издание русских курантов (ч. 1), сопровождается публикацией всех идентифицированных иностранных источников с комментариями (ч. 2). Это стало возможно благодаря исследованиям лингвиста, проф. Упсальского университета (Швеция) Ингрид Майер, предпринявшей в целях максимально полного выявления оригиналов, с которых были сделаны переводы русских курантов, масштабные поиски в архивах, библиотеках и частных коллекциях Великобритании, Германии, Голландии, Дании, Польши, России, Франции, Швеции.

Следует отметить, что идея издать куранты вместе с их первоисточниками была выдвинута впервые еще в начале XX в. Археографической комиссией Императорской Академии наук. Однако вскоре стало совершенно очевидно, что такая задача не могла быть осуществлена. Проект оказался непосилен для состояния науки того времени, и от него пришлось отказаться.

Каждая из двух частей шестого тома вышла отдельной книгой. Публикуемые в настоящем выпуске русские тексты курантов хранятся в РГАДА. В первой части опубликовано более 1500 архивных листов, содержащих примерно 1600 статей-микротекстов. Как установила И. Майер, 700 из них переведены (с большой долей вероятности) с немецкого языка, 650 – с голландского, лишь единицы – с латинского и польского языков; остальные не определены.

По своему объему шестой том, даже если иметь в виду только его первую часть, превосходит предыдущие выпуски в два-три раза. Его более высокий научный уровень определяется значительными источниковедческими открытиями, углубленным комментированием, внесены уточ-

нения в датировку материалов, исправлены прежние ошибки.

Во второй части настоящего тома изданы иностранные тексты, являющиеся непосредственными (за редким исключением) источниками русских курантов. Найденные И. Майер первоисточники в сумме составляют 595 документов, которые восходят к 354 печатным газетным статьям на голландском языке (из 117 выпусков), 225 печатным газетным статьям на немецком языке (из 118 выпусков), трём печатным статьям на латыни (из одного выпуска) и к одной рукописной корреспонденции на немецком языке. Помимо газетных статей в курантах имеются также переводы неперiodических изданий. Переводчики Посольского приказа не делали между ними различий. И. Майер обнаружила иностранные оригиналы для курантов, публикуемых в данном томе, – редкие экземпляры семи брошюр (объемом до десятка страниц) на немецком, польском, голландском и латинском языках.

Издание первоисточников сопровождается комментариями, в которых приводятся все переводческие пометы, дается характеристика перевода (точный/неточный, полный/сокращенный), указывается количество купюр, отмечается расхождение перевода с источником. В оригинальных газетах часто имеются повреждения текста из-за дефекта экземпляра. В таких случаях И. Майер реконструировала отсутствующий фрагмент, руководствуясь близкими по времени и по тематике статьями, напечатанными в других изданиях. В “Приложении” к публикации в качестве иллюстраций дается факсимильное воспроизведение некоторых немецких и голландских газет и брошюр (первые пять иллюстраций – брошюры-памфлеты, остальные – газеты; на голландском языке среди иллюстраций – только газеты).

Глубокое источниковедческое исследование и публикация иностранных первоисточников имеет не только лингвистическую, но и широкую историко-культурную перспективу. Историки русского языка получили “возможность непосредственно сравнить исследуемый объект с использованными в Посольском приказе оригиналами”, что в результате позволяет расширить сферу исследований в области исторической лексикографии, морфологии, синтаксиса, изучить процессы адаптации иностранных топонимов и антропонимов, “в частности станет возможным отличить кальки на разных языковых уровнях от явлений, свойственных русскому языку того времени” (ч. 2, с. 16).

Публикация найденных первоисточников предваряется фундаментальным исследованием, в котором дается многосторонняя характеристика периодической печати в Европе в XVII в. Рассматриваются вопросы о технике печати ранних газет и памфлетов, о языке немецких и голландских газет, о датировке в европейских газетах (старый и новый стиль), что в свою очередь важно для датировки сводок русских курантов. Обзор иностранных газет в Московском государстве включает описание немецких газет (берлинские, кёнигсбергская, гамбургская, данцигская, бреслауская, штеттинская), голландских (амстердамские, гарлемская, гагская) и латинской газеты. Характеризуются главные темы и источники вестей-курантов 1660–1670 гг., детально изучается процесс создания сводки курантов в Посольском приказе, в связи с чем решаются некоторые источниковедческие проблемы, относящиеся к выделению одной первоначальной сводки курантов и установлению правильной последовательности отдельных сводок, которая в ряде случаев была нарушена в традиции издания “Вестей-Курантов” (см. об этом: [1, с. 304–305], а также: т. VI, ч. 1, с. 6–7, 21–22). Без внимания не остались и вопросы о сохранности иностранных газет XVII в. в архивах, о пометах на оригинальных газетных экземплярах за весь XVII в., о пути иностранных газет в Москву и сроках их доставки.

Если в Западной Европе рукописные газеты распространялись в широкой читательской среде, то в России вестей-куранты предназначались, как уже отмечено, для царского двора, что подтверждается пометами в рукописях: “великому государю чтено”, “великому государю чтено и боярам” (ч. 1, с. 32, 33). Известно, что в 1652 г. перевод одного из вестовых писем царь Алексей Михайлович лично прочитал боярам на заседании Думы (ч. 1, с. 10). Составление вестей-курантов и чтение их царю и боярам следует рассматривать как особое явление придворной культуры.

До 1660-х гг. иностранные газеты приходили в русскую столицу изредка и более или менее случайно. Царь Алексей Михайлович, заинтересованный в получении иностранной прессы, поручил организовать регулярную доставку европейских газет в Россию, и с этой целью в 1660-е гг. были учреждены первые почтовые линии, соединившие Россию с Западной Европой (через Ригу и Вильну), после чего количество получаемых в Москве газет увеличилось во много раз. Они поступали сначала в приказ Тайных дел, а оттуда направлялись в Посольский приказ, где незамедлительно переводились, не всегда целиком. По отношению к русским курантам го-

ворить о “переводах” можно лишь условно, они напоминают “дайджест иностранной прессы” (ч. 2, с. 22, прим. 14). Сравнительно немногие сводки основаны на одном выпуске иностранной газеты. Чаще для переводов использовалась пачка газет, поступивших в Посольский приказ в один и тот же день.

“Курантельщики” Посольского приказа (переводчики, редакторы, справщики) составляли удобные для чтения столбцы. Чтобы ввести читателя в суть дела, в заглавии отмечалась географическая и хронологическая приуроченность информации: “Из Галанские земли вести мая в 16 день”, “Из Италянской земли из города Генева пишут февраля в 21 день”, “Из Парижа декабря 30-го числа”, “Из Амбурка мая в 1 день”, “Из Венеции мая в 5 день” и т.д.

В большинстве случаев одно русское сообщение-микротекст соответствует одной иностранной корреспонденции, но случалось, что из двух и более оригинальных газетных статей в русских курантах составлялось одно сообщение. Кстати, такая практика переводчиков Посольского приказа затрудняет поиск первоисточников, особенно, если таковыми являются голландские газеты, где имелось большое количество очень коротких корреспонденций.

Для русских курантов “первоочередное значение имели газеты на немецком и нидерландском языках” (ч. 2, с. 39), при этом наибольшей популярностью пользовались в Посольском приказе голландские газеты (амстердамские и особенно гарлемские), известные в Москве, как явствует из русских курантов, по крайней мере с 1621 г. Именно из этих газет поступала в Россию информация не только из Амстердама, Берлина, Кёльна, Бремена и Кёнигсберга (в русских текстах: Королевец, Кралевец, Кензберх, Кениксберх), но также из Копенгагена, Стокгольма, Вены, Лондона и Эдинбурга, Парижа, Рима и Венеции, Мадрида, Лиссабона, Варшавы, Кракова, Константинополя и даже из Америки и др.

До середины 1668 г. сводки русских курантов состояли в основном из переводов с одного языка. В заглавии указывалось: “Перевод с немецких вестовых курантов”, “Перевод с цесарских (немецких) печатных курантов”, “Перевод с немецкого письма”. Или: “Перевод с галанских печатных курантов”. Когда сводка составлялась на основе рукописных и печатных газет, в заглавии значилось: “Перевод с немецких печатных и письменных курантов”. Начиная со второй половины 1668 г., появились первые комплекты, содержащие переводы, как с немецкого, так и с

голландского языка, и с осени 1669 г. такие “смешанные сводки” встречаются все чаще, переводчики обычно отмечают в заглавиях, что в сводку включены сообщения “с цесарских (немецких) и галанских курантов”.

Германия (с 1605 г.) и Голландия (с 1618 г.) стали первыми странами, имевшими печатные газеты, которые читались во всей Европе, и Россия не являлась исключением. Таким образом, задолго до Петра I укреплялись контакты с протестантскими странами: как с северной Германией, так и с Голландией, где в условиях республиканской свободы и отсутствия централизованной государственной и жесткой церковной цензуры успешно конкурировали газеты частных издательств.

Несущие актуальную информацию вести-куранты в русской книжности XVII в. представляют собой совершенно новый тип источника, отличающийся и от летописей, и от дипломатических “сказок” – это жанр, характерный скорее для культуры раннего Нового времени. Для работы с ним потребовалось создание специальной текстологической методики, в частности, для идентификации источников-оригиналов. Путем сплошного чтения И. Майер сравнила весь корпус русских текстов со всеми сохранившимися немецкими и голландскими газетами. Когда в заглавиях перевода и иностранной корреспонденции совпадали место и дата сообщения (к примеру: “Из Лондона июня в 12 день” / “Londen vom 12 Junii”), сопоставлялось содержание. Если одинаковым оказывалось и содержание, то данная статья рассматривалась предварительно как потенциальный оригинал для издания. Во многих случаях для одного и того же русского текста было найдено два-три потенциальных “оригинала”, порой на разных языках. Поэтому на следующем этапе в качестве критерия выступали “такие факторы, как наличие других потенциальных текстов-оригиналов из одного и того же печатного издания; язык, с которого переведены соседние русские микротексты; наличие газеты-источника в Москве или в зарубежном архиве; переводческие пометы на иностранных газетах и т.п.” (ч. 2, с. 192). Хотя, как признает исследователь, в большинстве случаев, когда не было твердой уверенности, что обнаружен действительно непосредственный источник, приходилось руководствоваться вероятностным принципом.

Сравнение русских курантов с оригиналами позволило И. Майер сделать наблюдения относительно того, что именно выбирали переводчики из иностранной прессы для информирования царя. В данный период и вообще на протяже-

нии всего столетия таковой являлась турецкая тема – взаимоотношения с Османской Портой и внутренние турецкие разногласия. Другая важнейшая тема – Польша, дипломатическая игра вокруг польского престола и борьба за Украину. Регулярно переводились сообщения о войне на пограничье двух империй – Османской и Священной Римской (на территории Венгрии), о турецко-трансильванских вооруженных конфликтах, военных столкновениях между торговыми партнерами России – Англией и Голландией. Постоянные темы газетных сообщений – переговоры с послами, заключение мирных договоров.

Переводчики Посольского приказа проявляли особый интерес и к информации иностранных газет о небесных явлениях, о кометах, традиционно воспринимавшихся на Руси как недоброе предзнаменование. В курантах – несколько известий на эту тему. В одном из них (“Из Севильи”, от 23 декабря 1664 г.) описывается необычная комета (ч. 1, с. 106), которая, кстати, была видна и в Москве, свидетельство о ней оставил в своем дневнике Симеон Полоцкий [2, с. 641]. Внимание составителей курантов привлекали сообщения о природных катаклизмах и губительных эпидемиях (извержение вулкана Этны на Сицилии в 1669 г., чума в Лондоне в 1665 г. и т.п.). Есть в курантах и вполне курьезные рассказы о чудесных животных, о фантастической рыбе (ч. 1, с. 275), о женщине, родившей “страшное чудо” в виде жабы и крылатой рыбы (ч. 1, с. 527), или, например, забавная история, явно имеющая литературную основу, о том, как шведский король, ловя рыбу, обронил драгоценный перстень, а, спустя два дня, “рыболов уловил рыбу и как рыбу учал чистить и тот перстень сыскал в той рыбе и отдал королевскому величеству” (ч. 1, с. 129). Подобные заметки занимают в немецких и голландских газетах очень небольшое место, однако переводчики курантов не проходили мимо них. Очевидно, такие сюжеты соответствовали придворным вкусам того времени. Пристрастие к раритетам и курьезам, характерное для барочной эпохи, унаследовал Петр I.

Без внимания сотрудников Посольского приказа никогда не оставалась разного рода информация иностранных газет о московских делах, поскольку царю было интересно узнать, как в зарубежной прессе освещалась Россия. Например, переведено такое сообщение, полученное из Гамбурга 1 января 1668 г. (орфография и пунктуация приближены к современной норме): “С Москвы ж пришли вести, что великий государь с польскими великими послами в последнем ответе велел постановить постоянную между обоими государ-

сты Московским и Польским дружбу, только государя царевича хотят обирать (избирать. – Л.С.) королем польским и то бы было знатно к причине вечного миру и к нерушимому приятству” (ч. 1, с. 250). Из той же газеты переведено известие, полученное из Варшавы о русско-персидских отношениях и мирном договоре от 20 января: “С Москвы к нам пришли вести, что царь московский с шахом персиейским мир учинил, а в мирных договорах договорено, что персиейским торговым людем в Турскую и Италийскую землю не ездить, но в Рускую землю к Москве, а с Москвы их пропускать в ыные окрестные государства” (ч. 1, с. 251). При составлении курантов в некоторых случаях осуществлялась цензура, негативная для Москвы информация отсеивалась и не переводилась.

В Москве внимательно “сводили за тем, как в западных газетах именуют царя” (ч. 2, с. 106), – следствие того, что придворный и дипломатический этикет включали требование обязательного именованья царя полным титулом, см.: [2, с. 150–151]. Появление в курантах не просто краткой информации, но пространного рассказа о коронации в Кракове польского короля Михаила Вишневецкого (1669) объясняется, возможно, не только постоянно пристальным вниманием Москвы к Речи Посполитой. Царь Алексей Михайлович проявлял особый интерес к церемониальному устройству придворной жизни, см. [2, с. 145–159], и куранты предлагали детальное описание чина венчания Михаила Вишневецкого на престол, торжественного шествия, участников всего действа, их одежд и речей. Так, указывалось, что “королевское величество на белом зело устроенном коне ехал в серебряном и золотом платье, да в черной шляпе, а на шляпе поясок алмазной, а около королевского величества с обеих сторон шли протазанщики, с полковником Денофом, а у протазанщиков такое ж платье, как у королевских трубачев, а после их гусарская рота в збряух с копиями, а на копиях значки черные и рудожелтые, а после его королевского величества 2 кореты, внутри обиты лазоревым бархотом и золотом, вышиты, по б возников в корете <...> а по помазанию отвели его бискупы в каплицу и надели на него платье королевское, которое золотом и серебром зело украшено, а на плечах орел вельми устроен золотом и алмазами, и королевское величество ис каплицы вышел и между теми бискупами и сенаторами пошел до алтаря, а от алтаря к престолу, который устроен красным бархотом и вышит золотом и серебром, и на том престоле сел <...>” (ч. 1, с. 396–397). Как отметила И. Майер, “русский текст о коронации Михаила Вишневецкого

исключительно интересен как с лексической, так и с грамматической точки зрения” (ч. 2, с. 131). Ею же установлено, что источником послужила крайне редкая брошюра “Denckwürdige Relation” (сохранилась только в Гданьске), выпущенная в 1669 г., по всей вероятности, данцигским издателем Д.Ф. Рете. Из той же типографии вышел и оригинал выполненного для царя Алексея Михайловича перевода брошюры об иудейском лже-мессии Саббатае Цви (“Beschreibung des Newen Jüdischen Königs Sabetha Sebi”, 1665).

Сравнение вестей-курантов с оригиналами обнаруживает достаточно высокую переводческую технику служащих Посольского приказа и значительную самостоятельность в передаче иностранных источников. Опускались детали, не способствующие пониманию текста, газетные штампы, фамилии малоизвестных в России людей, названия неизвестных местностей, процитированные в газете предложения на латинском языке. Вместе с тем, стремясь уточнить и конкретизировать информацию, переводчики вводили слова и выражения, не имеющие соответствия в оригинале. Специфические лингвистические проблемы, с которыми они сталкивались, касались адаптации иностранной ономастической лексики, топонимов, антропонимов, иностранных фразеологизмов, отдельных синтаксических конструкций.

Рукописные тексты курантов воспроизводятся в В-К VI, как и в предыдущих томах, по правилам лингвистического издания памятников письменности, позволяющим вполне адекватно передать орфографические и грамматические особенности оригинала. Прочтение рукописных оригиналов курантов выполнено корректно. Вместе с тем при сравнении рукописного текста памятника с его набором в издании возникает вопрос, нуждающийся, пожалуй, в обсуждении и относящийся к проблеме издания текстов XVII в. в целом.

Русские куранты написаны скорописью, в которой, начиная со второй четверти XVII в., отмечается “наличие большого количества вариантов одних и тех же букв”, постоянно встречающихся при этом “в одной и той же рукописи” [3, с. 363]. В частности, начиная уже с XVI в., буква ‘я’ может быть передана посредством четырех графем: 1) особый знак, описываемый в палеографии как “начертание типа прописного ‘Е’, переходящего внизу в ‘а’ ” [3, с. 363]; 2) ‘**ѣ**’ (а йотированное); 3) ‘**ѧ**’ (юс малый); 4) ‘я’. Как отмечал еще Е.Ф. Карский, в московском скорописном письме в XVI–XVII вв. “видоизменяются буквы **ѧ** и **ѣ**, постепенно перерождаясь в я” [4, с. 176].

В рукописях курантов для литеры ‘я’ использованы все названные варианты. Чаще всего встречается начертание типа заглавного ‘Е’, переходящего внизу в ‘а’; написания же ‘я’, ‘**ѣ**’ и ‘**ѧ**’ редки. Приведем пример. В рукописном тексте (от 23 декабря 1664 г.) буква ‘я’ выглядит как прописное ‘Е’, переходящее внизу в ‘а’, в словах: “декабря”, “фанаря”, “пять”, “себя”, “карабля”; написание ‘я’ находим в глаголе “чаяли”, а также в повторно встречающемся слове “карабля” и, наконец, ‘**ѧ**’ (юс малый) – в обороте “Из Севил**ѧ**” (традиционная буква ‘**ѣ**’ на данном листе отсутствует, см. факсимильное воспроизведение [5, с. 20]). Примечательно, что в данном фрагменте, в пределах всего лишь двух строк написание буквы “я” в одном и том же слове (“карабля”) подвержено вариативности, т.е. графема ‘я’ и ее вариант в форме заглавного ‘Е’, переходящего внизу в ‘а’, выступают как равнозначные и взаимозаменяемые.

В издании же буква ‘я’, имеющая в рукописи курантов вид прописного ‘Е’, переходящего внизу в ‘а’, передана как ‘**ѣ**’. Следует заметить, что во всех предыдущих изданиях В-К графема в форме заглавного ‘Е’, переходящего внизу в ‘а’, представлена как буква ‘я’, но не как ‘**ѣ**’. Кроме того, даже в настоящем томе есть случаи, когда знак в виде прописного ‘Е’, переходящего внизу в ‘а’, передан как простое ‘я’: ср., например, список товаров из Восточной Индии (ч. 1, с. 236–238) с факсимильным воспроизведением фрагмента рукописи [6, с. 202]. Нет графемы ‘**ѣ**’ и в тексте № 24, опубликованном (ч. 1, с. 127–130) в транскрипции И.Е. Забелина (ввиду утраты рукописного оригинала XVII в.). В результате получается, что случаи, когда в рукописи встречается традиционное начертание буквы ‘**ѣ**’ (например: “**ѣ**н Казимер”, ч. 1, с. 286), не отличаются в настоящем издании от всех других случаев использования заглавной буквы ‘Е’, переходящей в ‘а’ (см., например, слово “ок**ѣ**б**ѣ**р**ѣ**” с двумя буквами ‘**ѣ**’ на с. 321). Иными словами, буква ‘**ѣ**’ использована в издании для передачи имеющихся в рукописи разных графем. При подготовке следующих выпусков В-К предстоит разрешить обозначенную проблему. Если не вводить дополнительно четвертую графему, соответствующую прописному ‘Е’, переходящему в ‘а’, то необходимо, по-видимому, использовать для передачи последней коррелирующую с ней в рукописи букву ‘я’.

В предыдущих изданиях почти всегда имелось факсимильное воспроизведение нескольких рукописных листов курантов. Поскольку в настоящем томе оно, к сожалению, отсутствует, то для уяснения описанной ситуации с передачей в рукописи буквы ‘я’ посредством разных знаков

автору этих строк пришлось прибегнуть к голландским публикациям в Интернете (17 марта 2010 г.) [5; 6]. Иллюстрации позволили бы также показать, в частности, акцентированные куранты, они впервые появляются в 1670 г., (см. [7, с. 291–296; 8, с. 389–398]).

В подстрочных примечаниях к публикации рукописи курантов отмечаются некоторые палеографические особенности источника, зачеркивания, исправления, утраты текста. Для чтения было бы удобнее, если бы комментарии к определенному листу рукописи помещались в издании на той странице, на которой находится комментируемый текст. Например: примечания к листу 110 даны на с. 573, хотя комментируемый текст – на с. 574. То же самое на с. 575, только первая сноска к листу 142 относится к указанной странице, все остальные – к следующей. В будущих изданиях В-К было бы желательно учесть этот технический момент, связанный с макетированием книги.

Шестой том оснащен системой указателей. “Указатель слов” включает *все* слова из вестей-курантов, публикуемых в данном томе, в том числе служебные части речи, местоимения, числительные (в буквенном обозначении), и польза его как путеводителя (не только лексикографического, но шире – историко-культурного) по обширному пространству текстов курантов 1660–1670 гг. несомненна. Дискуссионным представляется, однако, принятое издателями “отсутствие строгой установки на обобщение вариантов слова – орфографических, фонетических, фономорфологических, морфологических и др.” (ч. 1, с. 587). В результате как разные леммы выступают лексемы “агличаня” и “англичаня” (ч. 1 с. 589, 590), “арация” и “орация” (ч. 1, с. 590, 711), хотя в другом подобном случае слова “адмиральский” и “одмиральский” представлены вместе (с. 589). Существительные “веницияне” и “веньцияне” отделены друг от друга словами “венчание”, “венчати”, “венчаться” (ч. 1, с.603), из своего лексического гнезда “выпадают” также и относящиеся к “венециянам” понятия “винецияне”, “виницеене” (ч. 1, с. 607) и др. В разных местах алфавита оказываются “генварь” и “январь” (ч. 1, с. 619, 809). Кроме прилагательного “французский” (ч. 1, с. 796) в указателе имеется загадочная лексема “вранцузский” (ч. 1, с. 613), не подтверждающаяся чтением источника, где данное прилагательное передается с начальной буквой фитой, как и во всех других случаях написания этого слова в курантах.

Сугубо формальный подход при алфавитном распределении лексического материала и отсут-

ствие установки на обобщение различных вариантов слова затрудняют работу с текстом курантов. Если, допустим, у читателя возникло бы желание ознакомиться, отправляясь от указателя, с имеющейся в русских курантах информацией об Испании, то ему следовало бы прежде всего учесть, что относящиеся к интересующей теме лексемы отличаются вариативностью и отражены в словоуказателе как разные леммы: “гишпанец”, “гишпанский” (ч. 1, с. 619), “ишпанец”, “ишпанский” (ч. 1, с. 658), есть и такие, например, формы, как “шпанец”, “шпанский”, “шпанской” (ч. 1, с. 808), восходящие к немецкому (*spanisch*) или польскому (*hiszpański*) языкам [9, с. 470], либо к голландскому (*Spanjen*) – языку оригинала (ч. 2, с. 513). Поиску не способствует и отсутствие приведенных вариантов лексем в исторических словарях русского языка (“Материалы для словаря древнерусского языка” И.И. Срезневского и в “Словаре русского языка XI–XVII вв.”). Вместе с тем в “Указателе слов” заметна определенная непоследовательность: к прилагательному “шпанский” подведена форма “жпанский” (ч. 1, с. 808), а при слове “ишпанский” указано также “исшпанский” (ч. 1, с. 658). Отметим попутно, что в указателе пропущена форма “гипшпанский”, зафиксированная в сводке под № 84, л. 100 (ч. 1, с. 263). Составители следующих томов издания В-К снискали бы признательность благодарного читателя, если бы в указателе были обобщены орфографические и фонетические варианты слова.

Кстати, в указателях личных имен и географических названий издатели поступили именно таким образом: под единой леммой сведены варианты, отличающиеся разнообразием написаний. Например, граф и посол “Шавготцкий” (нем. *Schaffgotsch*) именуется в курантах “Шавкуч”, “Шафкуч”, “Шовкис”, “Шхавгоц”, “Шховгоц”; Антверпен передается формами, транслитерирующими немецкую разновидность названия: “Анторф”, “Анторп”; Белград – он же “Весеньбурк” (нем. *Weißenburg*) и т.д.

И. Майер кардинально переработала составленный В.Г. Демьяновым “Указатель географических названий”: впервые в традиции издания В-К названия городов в курантах были идентифицированы с их написанием на иностранных языках и приведены также их исторические именованья. Например, город Гаага: Гага, *Den Haag*, ‘s *Gravenhage*; отсюда можно понять, почему русский переводчик иногда писал “Хравенгага” или “с-Гравенгаге”. Без подобных комментариев читателю было бы затруднительно определить, обозначает ли название “Кандия” остров Крит и его столицу (ныне Ираклион) или испанский городок *Gandia*.

Топоним “Франкфурт при Одре реке” становится ясным, благодаря отсылке к немецкому названию “*Frankfurt an der Oder*”. Если бы в указателе отсутствовала система идентификации разных наименований, трудно было бы понять, что такое название, как “Ухшпорг”, обозначает Аугсбург (*Augsburg*).

В издании имеется также “Перечень наименований”, обозначающих названия правящих династий и княжеских родов, национальных парламентов, торговых компаний и др.

“Список литературы” во второй части настоящего издания содержит информацию о неперiodических источниках XVII в. с указанием их хранилищ, перечень цитируемых словарей и энциклопедий, библиографию использованной литературы, среди которой особый интерес представляют исследования по истории периодической (рукописной и печатной) прессы в разных странах, что полезно для изучения русских курантов в широком культурном контексте.

Вести-куранты знакомили элиту русского общества с событиями европейской жизни на всем ее пространстве от Сицилии до Швеции, от Польши до Португалии, способствовали развитию политических и культурных интересов правящих кругов России в западном направлении, подготавливая в определенной степени будущее активное вовлечение страны в общеевропейские дела в эпоху Петра I. На смену рукописным курантам на рубеже 1702–1703 гг. пришла первая русская печатная газета “Ведомости”, созданная по указу царя и основанная на опыте, выработанном переводчиками курантов.

Издание В-К, подготовленное в первую очередь с учетом интересов лингвистов, специалистов по истории русского языка и исторической лексикологии, имеет, несомненно, более широкое значение. Подробное источниковедческое “Введение” в первой части тома и разностороннее исследование во второй части обладают научной ценностью и для историков. Словом, рецензируемый труд предоставляет обширный материал для изучения политической и военной истории, истории переводной литературы и в целом – истории русской культуры XVII в.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Крысько В.Б., Майер И. Вести-Куранты: 1651–1652 гг., 1654–1656 гг., 1658–1660 гг. Изд. подгот. В.Г. Демьянов. М.: Наука, 1996. 224 с. // *Russian Linguistics*. 1997. № 21.

2. *Сазонова Л.И.* Литературная культура России. Раннее Новое время. М., 2006.
3. *Черепнин Л.В.* Русская палеография. М., 1956.
4. *Карский Е.Ф.* Славянская кирилловская палеография. Л., 1928.
5. *Maier I.* Gelezen van Londen tot Moskou. Internationale dimensies van de Oprechte Haerlemse Courant in de zeventiende eeuw // Haerlem Jaarboek. 2005. Доступно в Интернете <http://www.moderna.uu.se/slavisika/ingrid/gelezen.pdf>
6. *Maier I., Pilger W.* VOC-Ladinglijst vertaald voor de Russische tsaar (1667) // Die het kleine eert, is het grote weerd. Festschrift voor Adrie A. Barentsen / Ed. W. Honselaar, E. de Haard / W. Weststeijn. Amsterdam 2003 (=Pegasus Oost-Europese Studies 1). Доступно в Интернете: <http://www.moderna.uu.se/slavisika/ingrid/VOC-lijst.pdf>
7. *Корнилова И.А.* Акцентуированные Вести-Куранты (к проблеме издания) // Лингвистическое источниковедение и история русского языка. 2000. М., 2000.
8. *Корнилова И.А.* Надстрочные знаки в рукописных Вестях-Курантах // Лингвистическое источниковедение и история русского языка. 2002–2003. М., 2003.
9. *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка: В 4 т. М., 1987. Т. 4.

Л.И. Сазонова